

История русской литературы

Публикуемая ниже статья известного уральского литературоведа Лидии Петровны Гальцевой была сдана в «Вестник», планируемый к выходу в 1995 году. Но этот номер журнала не был издан. Статья недавно была обнаружена в архиве, и мы сочли необходимым опубликовать эту последнюю работу покойной Лидии Петровны, ибо в ней собран богатый архивный материал, связанный с 20-летней каторгой и ссылкой большого уральского поэта Бориса Александровича Ручьева. Статья публикуется без изменений, добавлен лишь подзаголовок, ориентирующий читателя в ее проблематике.

Редколлегия

Л.П.Гальцева

"ЖИЗНЬ ИДЕТ, КАК НА АРХИПЕЛАГЕ..." (КАТОРГА И ССЫЛКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Б.РУЧЬЕВА)

"Красному солнышку" нашей поэзии, "соловью с Магнит-горы", поэту Борису Александровичу Ручьеву, отмерено было судьбой всего шестьдесят лет жизни. Как это не раз бывало с глубокими, впечатлительными, художественными натурами, он точно предсказал дату своей кончины. Уральский поэт Яков Терентьевич Вохменцев рассказал мне, как однажды (это было в 1958 году, когда после двадцати лет каторги и ссылки Б.А.Ручьев вернулся на Урал) в беседе с ним Ручьев обмолвился: "Мне нужно еще лет пятнадцать, чтобы оформить свои замыслы, завершить вещи, начатые на Колыме, - вот тогда и помирать можно." Эти слова оказались пророческими, и о них вспомнилось, когда осенью 1973 года мы провожали Б.А.Ручьева в последний путь, выполняя его поэтическое завещание:

Если я умру без слова,
люди, будьте так добры,
отвезите гроб тесовый
до высот Магнит-горы.

Под утесом положите
и поставьте столб с доской:
"Похоронен старый житель
и строитель заводской..."

Правда о суровой и драматичной судьбе поэта, которую несколько десятилетий скрывали от общественности, должна быть услышана хотя бы нынешним поколением читателей. Расскажем о ней языком документов. Автобиографию и заявление Правлению Союза советских писателей о восстановлении в Союзе Б.А.Ручьев направил на имя А.А.Суркова (тогда председателя правления СП) 30 января 1957 года из села Мирза-аки Киргизской ССР, где он работал бухгалтером МТС.

Автобиография¹

Я, Ручьев (Кривошеков) Борис Александрович, родился в 1913 году в ст. Еткульской Челябинской области в семье учителя А.И. Кривошекова, в 1956 г. - Заслуженный учитель Киргизской ССР, г.Фрунзе.

В 1929 году окончил среднюю школу в Кургане. С осени 1930 года работал на Магнитострое, вначале несколько месяцев бетонщиком, а с 1931 года сотрудником комсомольской газеты и литературного журнала "Буксир", впоследствии "За Магнитострой литературы". С этого же года до осени 1937 года был членом ВЛКСМ. Стихи писать начал с детства, а печататься с 1927 года в газете "Красный Курган", а позднее во всех уральских и некоторых центральных газетах и журналах.

В 1933 году в издательстве "Советская литература" и Уралгизе вышла книга стихов "Вторая родина". В апреле 1932 года участвовал на последнем поэтическом семинаре РАПП (Российская Ассоциация пролетарских писателей. - Л.Г.). В 1934 году был делегатом 1-го Всесоюзного съезда ССП (Союза советских писателей - Л.Г.). После первой книги стихов написал поэму "Песня о страданиях подруги" и много стихов, вплоть до осени 1937 года печатавшихся на Урале. В 1936 году поступил на заочное отделение Литературного института, но тогда мне закончить его не удалось, т.к. в декабре 1937 года был арестован органами НКВД. Там же, на Урале, в июне 1938 года был судим в/с ВК ВС СССР (выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР - Л.Г.) по клеветническому обвинению в контрреволюционном преступлении.

Находясь в лагере, не переставал писать стихи, насколько это позволяли условия тех мест и того времени. После возвращения из заключения по ст.39 был лишен права жить в каком-либо крупном городе и работы по специальности, потому пришлось работать товароведом техснабжения и последние пять лет бухгалтером МТС.

Вся трудовая деятельность последних лет - большая трудоемкая работа ради существования семьи уносила все мои силы и стала в конце концов для меня больше нетерпима, потому что не давала мне возможности отдавать литературному делу хотя бы часть рабочего времени. И все-таки я всегда старался повышать свои теоретические знания, обдумывать и оформлять вчерне замыслы своих будущих произведений и не отставать от своих товарищей по поэзии, от творческих задач современности.

Б.А.Ручьев

Правлению Союза советских писателей б.
члена ССП Ручьева (Кривошекова)
Бориса Александровича

заявление

Я был членом Уральского отделения ССП с 1934 года, то есть со времени ликвидации РАПП и организации Союза. В 1937 году, 24 лет отроду, будучи работником комсомольской газеты, я был арестован органами НКВД по клеветническому обвинению в к/р. (контрреволюционной - Л.Г.) деятельности.

Только в конце 1956 года ВК ВС отменила судебное решение по моему делу и реабилитировала меня.

Почти 20 лет я был насильственно отстранен от любимого дела жизни - литературного труда. Несмотря на это, все годы отчуждения я работал над собой, изучая поэзию, читал все, что можно было достать, писал стихи, обдумывал будущие работы, старался держать себя в творческой готовности. Иначе я не смог бы дожить до радости реабилитации. Прошу правление СП СССР восстановить меня в своих рядах и помочь мне наверстать своим трудом упущенное не по моей вине...

Из приведенных документов видно, как непросто складывалась судьба Бориса Ручьева. Казалось бы, начало творческого пути было многообещающим. Молодой строитель Магнитостроя, воспевавший "будни великих строек" в духе пролетарской поэзии тех лет, в свои неполные 19 лет стал автором собственной книги стихов. Его заметила профессиональная критика и тепло напутствовали такие мастера поэзии, как В.Луговской, Э.Багрицкий, А.Сурков. Единодушно признавая первенство Б.Ручьева и его редкий талант, уральская организация писателей присудила ему учрежденную накануне 1-го Всесоюзного съезда Горьковскую премию. А его сверстник по поэзии Николай Куштум произнес на съезде в честь Ручьева прочувствованную речь², в которой подчеркнул, что его знают и ценят уральские читатели, с интересом и одобрением встречают каждое новое его произведение.

Борис Ручьев уверенно шагнул в литературу вместе с такими, ставшими позднее известными, поэтами, как Я.Смеляков, А.Прокофьев, А.Решетов, А.Сухарев, а также уральскими писателями: В.Макаровым, Л.Татьяничевой, М.Львовым, М.Гроссманом, В.Губаревым, М.Люгариним и др.

В середине 30-х годов Ручьев готовит к изданию новую книгу стихов и поэм., среди которых были замечательные лирические циклы "Соловьиная пора", "Девушки-подружки", поэмы "Аленушка" и "Калина Баев". Талант его возмужал и окреп. Он смело берется за создание больших эпических произведений. Много ездит по Уралу, живет то в Магнитогорске, то в Челябинске, то в Свердловске. Активно публикуется во всех уральских газетах и журналах. На страницах челябинской молодежной газеты "Сталинская смена" публикует в соавторстве с Виктором Губаревым "Владимирские рассказы". Для альманаха "Стихи и проза" (Челябинск, 1937) пишет ряд новых лирических стихотворений.

В марте 1937 года Борис Ручьев женился на учительнице Серафиме Каменских и переехал в Златоуст. Незадолго до своей смерти (1969) Серафима Ивановна написала по моей просьбе воспоминания "Встречи и литературное окружение" (они нигде до сих пор не публиковались), по которым можно детально восстановить жизнь поэта в роковом для него году.

В начале года он участвовал в городском Пушкинском вечере, посвященном 100-летию со дня гибели великого русского поэта. Зимой читал и перечитывал классику - Д.Н.Мамина-Сибиряка, А.И.Куприна, И.А.Бунина. Не расставался с Есениным, многие его стихи знал наизусть, и томик С.А.Есенина вместе со своей первой книгой "Вторая родина" подарил невесте. Очень советовал ей прочитать роман Фейхтвангера "Еврей Зюсс".

В редакции златоустовской газеты "Пролетарская мысль", где активно печатался в 1935-37 годах, читал членам литературного кружка "Мартен" (еще в рукописи) поэму А.Т.Твардовского «Страна Муравия», принял активное участие в ее обсуждении.

Участвовал в большом литературном вечере, проходившем в ДИТРе (Доме инженерно-технических работников), на котором, кроме уральских поэтов - Б.Ручьева, В.Губарева, Б.Кузнецова, - выступили приехавшие из Москвы Я.Шведов (читал свое популярное стихотворение "Орленок") и Н.Богданов (знакомил читателей с главами из романа "Первая девушка"). Б.А.Ручьев познакомил собравшихся с новым циклом стихов "Соловьиная пора" - "читал он задумчиво, мягко, без всякой "наигранности".

С удовольствием посещал театры - оперный и приехавший на большие гастроли в Златоуст магнитогорский ТРАМ (Театр рабочей молодежи). Дружил с артистами, писал рецензии на многие спектакли.

Вместе с И.С.Зайцевым, будущим уральским фольклористом, увлеченно собирал и записывал произведения народного творчества, бытовавшие на Урале, которые позднее составили книгу, изданную в 1949 году.

"Летом 1937 года, - вспоминала С.И.Каменских, - Борис писал то ли очерк, то ли рассказ, который назывался "Сын" (напечатан в "Пролетарской мысли"). В нем говорится о том, как мать ждет своего сына-летчика из полета и никак не может дожидаться. Кажется, начинается этот рассказ со слов:

Ночью и днем
Мать тосковала о сыне своем...

Вспомним, что этот год был пиком сталинского террора и беззакония. Волна репрессий докатилась и до Урала. Осенью начались массовые аресты писателей, журналистов, организаторов литературного движения в нашем крае. Беда приближалась к самому Борису Ручьеву. "Арестовали меня 26/ХП 1937 г., и когда я попал в Челябинскую тюрьму и требовал свидания с Виктором (Губаревым -Л.Г.), то следователи всегда говорили мне, что он уже осужден и отправлен в лагерь³.

В ту пору, когда Борис Ручьев сидел в Челябинской тюрьме, мучимый ночными допросами и затянувшимся иезуитским следствием, из него всячески вымогали признание о мнимом участии в несуществующей правотроцкистской организации, как последний козырь в этой жуткой "игре" следователи выкладывали свидетельские показания против Бориса Ручьева его "подельников" и ближайших друзей Виктора Губарева и Василия Макарова, которых ... уже не было в живых.

Из тюрьмы Борис Ручьев направил С.И.Каменских несколько писем. В одном из них (от 17 апреля 1938 года) он писал: "На днях отправил тебе письмо. Сейчас, пользуясь случаем, пишу снова. Жив, здоров, деньги есть. Крепко скучаю по тебе, да уж ничего не поделаешь. После суда, я думаю, продуктов никаких мне не нужно будет. Привезешь только немного денег и бумаги с карандашом".

В другом (от 9 июня 1938 года) Ручьев сообщал: «Здоровье сносное, настроение улучшилось. Страшно соскучился по тебе. Свидание следователь обещает 19-го. Думаю, у тебя найдется время и возможность приехать в этот день. Ждать буду с нетерпением".

Это была последняя "перед дальней дорогой" встреча с близким человеком. Ждать вынесения приговора оставалось теперь недолго.

"Несмотря на все мои протесты и отрицания клеветнического обвинения, доказательства невинности, грубо попираемых следствием, 28 июня 1938 года я был осужден выездной комиссией Верховного суда СССР и по ст. УК РСФСР 98-7, 17-58-2, 58-11 приговорен к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на пять лет"⁴.

О дальнейшей судьбе поэта, его путях и перепутьях узнаем из дневников и записных книжек Б.А.Ручьева⁵, которые он вел - не ежедневно, а время от времени, - с 1956 по 1973 годы. Впервые отрывки из дневников были опубликованы мною в Собрании сочинений Б.А.Ручьева в 2-х томах, выпущенном Южно-Уральским книжным издательством в 1978-79 годах. Но в те, как принято их сейчас называть, "застойные годы", бдительная цензура не позволяла печатать какие-либо сведения об аресте, пересылках и лагерной жизни поэта. Материал, которым я располагаю в настоящее время, публикуется в этой статье впервые.

Уже в конце жизни, незадолго до смерти, тяжело и безнадежно больной поэт восстанавливает в памяти запутанный маршрут и заносит в дневник следующую запись:

"1938 г. Октябрь. Владивосток. Пересылка. Вторая речка.

1939г. Июнь. Магадан. Прииск Чагурье. Осенью - Ягодное. Зимой - Аннушка - раскомандировка. Ян Райнис. Исай Рабинович. Брех (есть отдельная приписка: "Мои товарищи по Колыме" - Л.Г.).

Далее не помню, где был. Проехал очень много катером. Обрыв (на Колыме). Тоскан. Лагтыхтах (жел. дорога). Приезжал снова в Ягодное. Адыгалах и еще где-то... Помню только последние годы.

1941 г. С начала войны нас пригнали на Эмтегейский участок. Здесь в сентябре я получил ожоги. Лежал в лазарете на Кюбюменском участке.

И далее приходилось жить только между Усть-Нерой и Хандыгой.

После освобождения в 1947 г. - только Адыгалах до самого отъезда с Колымы".

Итак, первый пункт дьявольского маршрута - Владивосток. Вторая речка. Судя по записи в дневнике, Б.А.Ручьев находился здесь с октября 1938 по июнь 1939 годов.

В 1991 году, когда отмечалось столетие со дня рождения О.Э.Мандельштама, были установлены дата его смерти и место захоронения. Он, как свидетельствует бывший узник ГУЛАГа Ю.И.Моисеенко в статье "Как умирал Осип Мандельштам" ("Известия", 1991, 23 февраля), скончался в лагере, на Второй речке, близ Владивостока "в конце декабря за несколько дней до Нового года».

"Существует много легенд и небывлиц о лагерной жизни Мандельштама, еще больше вымысла, от романтического до низменного, - о его смерти, - пишут "Известия" уже 26 мая

1992 года. Умер от голода, копаясь в куче отбросов... На нарах, умирая, в бреду читал обрывки своих стихов... С парохода, ушедшего на Колыму, его мертвого, сбросили в океан... Уголовники среди ночи разбудили какого-то поэта Р., привели его, перепуганного к себе, там умирал Мандельштам, и поэт закрыл глаза поэту..." (Подчеркнуто мною - Л.Г.).

Кто же этот поэт Р.? Не Ручьев ли? Почему не поверить этой легенде - ведь легенды рождаются не на пустом месте! Тем более (теперь мы знаем это точно!) Б.А.Ручьев в это самое время находился в том же пересыльном лагере на злополучной Второй речке. Лагерь назывался "Спец-пропускник СВИТЛага", то есть Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря НКВД (транзитная командировка), 6-ой километр, на Второй речке. Здесь подолгу узников не задерживали. На морских судах "Джурма" и "Дальстрой*", с четырехъярусными нарами в трюмах, размещали страдальцев. Семь суток плыли до бухты Ногаево, где тогда уже строили Магадан".

Теперь можно себе воочию представить, что стояло за лаконичной записью Б.А.Ручьева в дневнике о Владивостоке, пересылке, Второй речке.

Но возвратимся снова к дневниковым записям поэта.

"В 1939 году меня привезли на "Джурме" на Колыму (из Владивостока), продержали неделю в колымской транзитке и днем привезли на Аннушку совсем одного и указали дорогу в лагерь".

В лагере, где оказался Борис Ручьев, царили свои "нравы" и "порядки", свои неписанные "законы" - произвол и беспределщина. На особом положении находились уголовники, которые третировали "доходяг" - политических заключенных. Но об этом тоже расскажет сам поэт: "Когда нас, "врагов народа", привезли на Колыму, воры, бандиты, всякий уголовный рецидив, все приговоренные к "высшей мере" и помилованные Калининым, т.н. "бытовики", были поставлены нашими воспитателями в лагерях - нарядчиками, старостами, бригадирами. Воспитывали они нас кулаками, матом, зуботычинами. А словесное воспитание сводилось к разговорам о том (почти всегда), что любой из нас возражал "воспитателям", выказывал в противоречие им свой ум, образованность и знания, и тогда обиженный этим блатной обычно лупил своего воспитуемого и наказывал: "Что ты меня учишь жить? Да ведь все, что ты знаешь, я уже давно...(нецензурное слово - Л.Г.) и забыл".

Суровый и сдержанный рассказ о Колымском житье-бытье найдем мы в известной поэме Бориса Ручьева "Прощанье с юностью», созданной в 40-х годах в лагере без карандаша и листка бумага - по памяти, имевшей до тридцати вариантов, записанной и опубликованной только после реабилитации поэта, в конце 50-х годов. Читатель, если даже незнаком с этим произведением, найдет его в собрании сочинений Б.А.Ручьева или любом другом его издании. Менее известна поэма "Полюс" (она опубликована мною только в 1988 году, через 15 лет после смерти поэта), тематически примыкающая к "Прощанию с юностью", жесткая, бескомпромиссная, предельно искренняя. В ней об обитателях лагеря - одного из многочисленных "островов" невидимого и зловещего "Архипелага ГУЛАГа" Ручьев пишет с пронзительной болью и сарказмом:

За ограду жадным взором глядя,
получая хлеб за черный труд,
здесь - всяя Руси великой - чада
самые бесстыжие живут:
воры всех сортов, мастей и наций,
у кого вся жизнь тюремный срок,
мастера поганых махинаций,
коршунье со всех больших дорог;
шулеришки и антисемиты,
чьи мозги прожег заморский крап,
чьи тузы не в играх, в битвах биты,
зубы редки, руки - как у баб;
хищный сброд калек людеобразных,
вечно даром бравших хлеб и кров,
у которых даже рты, как язвы -

родной город представлялся таким, потому что там, где я был, было много и воров, и бандитов.

Написать об этом. Как я мечтал о прекрасном городе. Материке".

В дневнике появляется план будущей поэмы: 1. Вступление. 2. История. 3. Вечный город. 4. Ночь. 5. Полюс. 6. Рабочий день. 7. Дружбам юности.

Но, как видно, написать удалось только одну часть - поэму «Полюс» (1942 - 1945 гг.), в которой образы Полюса и Материка нашли свое художественное воплощение:

В том краю, где я живу - не просто
родину зовут Материком.
Полюс мой, как самый дальний остров,
даже почтальонам не знаком.
На домах у нас не вьются флаги,
здесь на флаг утрачены права,
жизнь идет, как на архипелаге,
ибо зоны - те же острова.
Зона - это, как загон овечий,
для двуногой, злой, как волк, овцы.
Под штыками в зону каждый вечер
загоняют жителей бойцы.

"Осенью 1941 года после тяжелых ожогов при пожаре тайги я попал в больницу Оймяконского дорожного участка Дальстроя. В три месяца преодолел острый кризисный период - заражение крови, едва избежав ампутации правой руки и немного отдышавшись на больничной койке, я вновь - после четырехлетнего перерыва - начал писать стихи и уже с того времени, живя на Колыме, писать не бросил", - вспоминал в начале 60-х годов Б.А.Ручьев. "Стихи о далеких битвах" - первые из написанных мной тогда в январе или феврале 1942 года, в больнице, еще в тяжелом болезненном состоянии, когда постоянный бред уже сменялся порой ощущением ясного чувства возврата сознания, жизни. Сначала писать было очень трудно. Но душа не могла жить без святого, животворного чувства поэзии и, оживая, требовала слова, откровения, исповеди".

Этой заметкой Б.А.Ручьева сопровождалась публикация его "Стихов о далеких битвах" 25 ноября 1962 года в газете "Литература и жизнь".

Начав со "Стихов о далеких битвах" и "Двух песен о Магнит-горе", Ручьев в начале 40-х годов здесь же, в Оймяконе, создает богатую фольклорными традициями поэму о народе-партизанах "Невидимка" (она была послана в начале войны в "Комсомольскую правду", но опубликована только в 1958 году на Урале. А вскоре неизвестными путями рукопись 40-х годов вернулась к автору и сейчас хранится в музее-квартире Б.А.Ручьева в г.Магнитогорске).

В эти годы родилась поэма "Прощанье с юностью", о которой говорилось выше. Но подлинным шедевром стал лирический цикл "Красное солнышко". В нем в полный рост встает образ русского человека, не сломленного сталинской тоталитарной системой, не раздавленного "красным колесом", гордого, мужественного и красивого в своих делах и поступках, сумевшего "для друзей и Родины сберечь" свою незапятнанную душу.

Одно время, в середине 40-х годов, Борис Ручьев работал в Оймяконе фельдшером. "Как фельдшер он оставил о себе самую теплую, самую добрую память, - рассказывает М.П.Боярова. - От старейшего писателя Якутии Николая Максимовича Заболоцкого мы слышали, что Ручьеву однажды пришлось принимать роды у женщины якутки в каком-то оймяконском селе. Об этом Ручьев рассказывал сам в беседе с якутскими писателями...

Женщиной этой оказалась Екатерина Николаевна Винокурова, колхозница с отдаленного участка Чубукулах. Ее давно нет в живых, но о ее жизни нам много рассказывали ее брат и другие родственники. Вспомнили "русского", который спас ее и ее дитя, - молодого, красивого, очень культурного человека...

Это было 18 сентября 1943 года. Случилась беда с молодой женщиной. Она пешком добиралась с отдаленного участка в больницу, но не дошла: начались роды. Наткнувшиеся дорожники принесли ее в медпункт. Молодой фельдшер оказал роженице и

новорожденному всю необходимую помощь, а потом лечил и ухаживал за ними.

Малыша назвали Дорием (от слова "дорога", т. к. он родился на дороге - так объяснили старики). О Ручьеве он не знал до нынешнего года, пока не получил письмо от юных следопытов. Дорий стал хорошим человеком, в настоящее время работает преподавателем в педагогическом училище г. Якутска."

Своей жизнью и здоровьем Ручьеву обязан не один только Дорий Винокуров. Мария Поликарповна разыскала еще одного человека, которого Борис Ручьев спас от верной гибели. Продолжу ее рассказ.

"...Машина, за рулем которой сидел выпивший шофер, сбила подростка, возвращавшегося с колхозными коровами домой с поля. Правая нога была раздроблена. Парнишку срочно повезли в Куйдусунский медпункт.

Много дней находился парнишка в крайне тяжелом состоянии, температура доходила до 40 градусов. Когда пришло сознание, он открывал глаза и видел перед собой серьезные, внимательные, ясные глаза молодого человека в белом халате. Чувствовал, как сильные пальцы беспрестанно массируют, растирают его словно бы застывшую, закованную ногу.

А когда минуло кризисное состояние, фельдшер подбадривал его доброй улыбкой, взглядом. Ухаживал за больным, как за маленьким ребенком. Навещал сына старый отец, и фельдшер угощал его куревом, а это в то время было большой роскошью.

Парень пролежал в больнице семь с половиной месяцев. Узнав о его несчастье, родственница Агафья Степановна Готовцева отправила ему костяную тросточку с металлической ручкой. Тросточка была чудесная, она была больному необходима, но парень, в знак глубочайшей благодарности, подарил ее своему спасителю, который заметно хромал.

... В апреле 1945 года, когда Ручьев работал уже в Хандыге, он впервые после многолетнего молчания получил письмо от жены, С.И. Каменских. "О моей жизни тебе уже, по-видимому известно все из маминых писем, - сообщал он ей. - Живу я почти там же, где жил. Физически возмужал и окреп, хотя и перенес кое-какие болезни, даже сепсис. Вот, кажется, и все, что могу я сказать про себя. Тобою самой, очевидно, не раз пережито это переживаемое мной сегодня чувство незначительности всего, что относится лично к своей жизни... По-прежнему все мои стремления сводятся к тому, чтобы как можно скорее приблизить возможность нашей встречи с тобой в самом близком будущем. Кстати, мысль о ней не вызывает у меня ни смущения, ни растерянности. На Северу получил я закалку, опыт, знания и чувство силы в работе, были бы подходящие условия, а главное - свободное время".

27 декабря пришла еще одна весточка от жены, затем переписка вновь прервалась на целый год.

Из редких, скудных писем от С.И. Каменских Ручьев узнает: потеряв его след в 1938 году и не имея несколько лет о нем никаких известий, она успела выйти замуж, родила дочь, отец которой погиб на фронте.

Но Б.А. Ручьев достойно перенес и этот удар судьбы. "Самое главное, береги свое здоровье и никогда не теряй уверенности в том, что мы с тобой самые родные, самые близкие. Собственно, за все эти десять лет, несмотря на тяжелые переживания, предчувствия и потери связи, сам я как-то иначе и не мыслил. Не найти тебя и не восстановить прежних наших отношений - казалось мне невозможным несмотря ни на что. Ведь ты знаешь мой характер в отношении к людям. Кроме того, жизнь многому научила меня и главным образом тому, чтобы поступки людей оценивать глубоко по-человечески. Вот почему наша с тобой жизнь должна пойти по-прежнему, и никакие трещины не помешают нашему счастью, только бы поскорее нам встретиться. Ольгу (дочь С.И. Каменских - Л.Г.) я удочерю и, если ты без меня не можешь формально это устроить, прошу тебя сделать это, чем скорее, тем лучше. Ведь она растет, и пока она маленькая, эта перемена для нее пройдет незаметнее, а стало быть, не породит в ней каких-либо недоумений... Что касается иронии окружающих, об этом не беспокойся. Меня она ни в какой мере не смущает, лишь бы ты была рада и счастлива и не чувствовала никакой отчужденности между нами", - писал он С.И. Каменских

6 июля 1947 года.

Через полгода завершился срок заключения Б.А.Ручьева. Он рвался домой, на материк, к старикам-родителям, истосковавшимся о сыне, к неверной, но все еще дорогой жене. Но возникают новые трудности, которые вновь предстояло преодолеть.

"Обстоятельства таковы: на дорогу мне необходимо тысячи три минимум, а если лететь самолетом, возможность чего здесь имеется, то тысяч пять. А зарабатывать я смогу только с января 1948 года. Сейчас же у меня нет ни гроша и не будет до конца декабря по вполне понятным тебе причинам, - сообщает он жене в том же письме. - Обращаться за помощью к отцу мне не хочется, т.к. старики сами скрипят кое-как. Тебе такая жертва тоже не под силу, а распродавать что-нибудь ни в коем случае не нужно. К тому же, в декабре кончится навигация, так что волей-неволей месяцев шесть придется поработать здесь, чтобы обеспечить дорогу средствами".

О дальнейшей судьбе поэта мне рассказал в свое время старейший уральский писатель Виктор Афанасьевич Савин, который стал невольным свидетелем разыгравшейся драмы. Б.А.Ручьев возвращается с Колымы в середине 1949 года и поселяется в Кусе, где жила С.И.Каменских. Некоторое время работает библиотекарем в одной из кусинских школ, но постоянной работы найти ему не удавалось. Семейное счастье было хрупким и недолговечным. Ручьев со скудным своим скарбом оказался на улице, без денег, без прописки и без крыши над головой. На помощь пришли старые друзья, писатели В.А.Савин и Я.Т.Вохменцев, оказав ему моральную и материальную поддержку. По их совету он отправляется во Фрунзе, где в ту пору жили родители.

Об этой поре своей жизни Б.А.Ручьев расскажет Е.В.Губаревой в письме от 10 февраля 1957 года: "Теперь о своей судьбе. Вернулся с Колымы в 1949 году на Урал. Жить ни в одном крупном городе не разрешают, многие товарищи избегают, работы по специальности не дают. Даже жена, до этого дважды успевшая выйти замуж, постаралась от меня отделаться. А здоровье такое - туберкулез и психостения. Поехал к отцу во Фрунзе, но и в этой столице жить мне не разрешили. Вот и пришлось мне жить в предгорьях Памира, работать бухгалтером МТС.

Здесь снова женился (жена - Любовь Николаевна Гунько -Л.Г.), родился сын. Одним словом, выжил".

Осенью 1956 года пришла долгожданная свобода - полная реабилитация. В Москве, при участии А.А.Суркова и А.Т.Твардовского, решался вопрос о восстановлении в Союзе писателей.

5 января 1957 года Б.А.Ручьев писал Я.Т.Вохменцеву: "В мае думаю перебраться на Урал... у меня просьба к тебе... и всем, кто еще помнит меня: помогите выбраться отсюда (из Киргизии - Л.Г.), закончить незавершенные труды и, если позволит здоровье, написать как можно больше нового, подумайте, пообсуждайте трезво, как можно устроиться в Челябинске или Магнитке".

А через пять дней в письме к другу юности писателю Марку Соломоновичу Гроссману Ручьев пишет: "Твое предложение приехать на Урал так дорого для меня, что и выразить нельзя. С осени 1956 года я только и думаю об этом. Случилась на моем пути зима, время для переезда, прямо скажем, невозможное. Но душою я уже весь на Урале, с вами. Короче говоря, этот вопрос мною решен окончательно и никаких изменений быть не может". 10 апреля 1957 года Б.А.Ручьев, наконец-то, возвращается на Урал. Живет сначала в Челябинске, готовя к изданию свою первую после реабилитации книгу стихов и поэм "Лирика" (Челябинск, 1958), куда, кроме старых и издававшихся в 30-х годах произведений, основательно переработанных, включает созданные на Колыме цикл "Красное солнышко" и поэму "Невидимка", а так же главы из задуманной им дилогии "Индустриальная история" (в 1962 году полностью завершена и опубликована только одна поэма "Любава").

"15 апреля был мой творческий вечер, - сообщает он Л.Н.Гунько. Слушали меня с замиранием сердец и со слезами на глазах... Вообще-то мне Челябинск не понравился. Холодно, неуютно и одиноко... Живу сейчас в помещении (служебном) Союза писателей. На днях думаю поехать в Магнитогорск. Может быть, там вопрос с квартирой решится быстрее".

Вся оставшаяся жизнь Б.А.Ручьева связана с Магнитогорском. Незадолго до смерти он

напишет в дневнике: "Написать поэму о 1937 году. Как получилось, что столько людей сразу оказались врагами. А получилось так, что дали волю самолюбию, себялюбию, злобе людей. Расковали этого зверя, не сдержали законностью злых людей, и они сами, как существа *самоеды* (подчеркнуто Б.Ручьевым -Л.Г.) убрали всех, на кого были злы. Вот это самоедство среди людей надо разоблачить".

Последняя запись сделана в дневнике за несколько дней до смерти: "Самое главное - вытерпеть, если уж не удалось помереть в эти годы, несколько лет отпущенных тебе жизнью. Обрести, восстановить свои силы, работоспособность..., пожить еще какое-то время активной творческой жизнью, по-настоящему отдать себя вдохновенной работе. А писать у тебя найдется о чем.

Сейчас, когда тебе 60 лет, сердце и мозг твой уже не годятся, зрение теряется, стань бесстрастным ко всем спорам, дискуссиям (главным образом) о своем творчестве... Тебе надо сохранить себя хоть на несколько лет работы. Работы творческой, чтобы суметь за оставшиеся годы работы или дни сказать (написать) то, что удастся. Только в этом настоящий смысл жизни твоей, только это стоящее занятие для тебя».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Автобиография и заявление правлению ССП хранятся в Музее-квартире Б.А.Ручьева в г.Магнитогорске (черновой автограф).
2. Стенограмма I Всесоюзного съезда советских писателей. М., 1934. С.149.
3. Из письма Б.А.Ручьева Е.В.Губаревой // Рукописный архив В.Ф.Губарева (хранится у автора статьи).
4. Из прошения Б.А.Ручьева на имя Председателя Совета Министров СССР Г.М.Маленкова от 10 августа 1954 года // Архив Музее-квартиры Б.А.Ручьева в Магнитогорске.
5. Ручьев Б.А. Полнос // Урал, 1988. № 6. С. 143-144.

А.С.Гришин

ЭКФРАЗИС В ПОЭЗИИ СТАРШИХ СИМВОЛИСТОВ КАК ФОРМА СОТВОРЧЕСТВА

Стихотворный экфразис – древняя форма сотворчества различных видов искусства, литературы и философии. По наблюдениям Н.В.Брагинской, в античной литературе экфразис стал самостоятельным жанром: он мог строиться как описание статуи, живописного изображения или целой серии живописных изображений, сцены из пьесы, архитектурного памятника¹. Она тщательно проанализировала генезис, поэтику, структуру диалогических по форме экфразисов Филострата. При этом ею не замечено, что любой экфразис, а не только написанный в диалогической форме, по природе своей является диалогическим: создатель экфразиса с самого начала творческого процесса вступает в диалог с предшествующим произведением искусства, которое становится материалом и объектом его творчества. Следовательно, поэтический экфразис – самая наглядная форма сотворчества литературы с другими видами искусства, с философией, которую древние относили к искусству.

Побудительных причин, толкающих поэта к созданию экфразиса, много.

1. Общеэстетические установки данной эпохи. Н.Брагинской хорошо подмечено: «Живопись, пластические искусства приобретают во II-III веках н.э. невиданное ранее значение и цену. Художник теперь получает вдохновение от богов... Но осознание самостоятельной ценности живописи и скульптуры осуществляется пока еще как уравнивание изобразительных искусств с другими, более престижными областями деятельности, причем словесными и рациональными (музыка для древности рациональное, «числовое» искусство). В живописи уже умели видеть «красоту», но ставили задачу непременно ее объяснить. «Постыдно молчать перед столь великолепным домом, статуей, картиной» – это общее место риторических экфразисов»².